

* * *

Закат распластанным хвостом
Упал в овражные ухабы,
Глядели хмуро на восток
Тупые каменные бабы.

В пустую сумрачную степь
Угрюмый опускался вечер,
Сухие черепки костей
Перебирал тревожно ветер.

И, торопясь к ночному стану,
Назад оглядывался скиф,
Где знойного Афганистана
Дымили дальние пески.

Н. Кауричев.

* * *

Косматый конь, худой верблюд
Ветров раздольные качели,—
Я до сих пор тебя люблю
И помню вольное кочевье.

Стрела, копье, аркан и плеть,
Гортанный крик и рёв, и ржанье,
И месяц в дыме и тепле
Над полыхающей Рязанью.

Привал, ксстры, и вот опять
Горящих дней восторг и трепет,
И смерть на острие копья
Потом на перепутье встретит.

И будет плыть простор степей
И звезд далеких колыханье...
О, жизнь, как горячо теперь
Твое огромное дыханье!.

Н. Кауричев.

* * *

В разливе западных ветров
Солёная морская накипь.
А на снегу звериных троп
Большие лапчатые знаки.

Угрюмо собирает лес
В сугробах по оврагам воду,
Чтоб на дорогах не пролезть
Ни конному, ни пешеходу.

Чтоб, на плечи подняв мосты
И льдины громоздя на льдины,
Смывая горные пласты,
Рванулись реки на равнины.

Чтоб в море мартовской воды
Купался месяц тонкорогий.
Отсюда начинал Батый
Свои обратные дороги.

Н. Кауричев.

Р И Т М.

И стало так. В зверином лове
Не превзойден степной номад,
Поэт преодолевает в слове
Недвижность каменных громад.

Велит мирам: повремените!—
И вот земля изменит вид,
И солнце, стазшее в зените,
Расплавит камни пирамид.

Пусть реки в море быстро льются,—
Всю глубину и силу вод
Поэт в игрушечное бдюдце,
Едва захочет, перельет.

А льды, которые питают
Моря и мощь дают реке,
Вдруг как мороженое тают
На воспаленном языке.

И все в природе говорит нам —
Дух человеческий, горный лед —
Все набухает и живёт
Одним колеблемое ритмом.

И в мире нет такой печали,
Но нет и радости такой,
Чтобы в стихах не прозвучали
Певучей, нежною строкой.

Владимир Василенко.

ПОХОДНАЯ КАВАЛЕРИЙСКАЯ.

Прóпадом пропали вечера.
Топота не слышно за околицей,
Где шептался парень до утра,
Привязав коня за повод к поясу.

Прóпадом пропали, не слышать.
Долго кланялись в папахх головы.
Ах, о чем, шурша соломой хат,
Туркотали целу ночку голуби?

Целовались, не хотелось спагь...
Прóпадом пропали: плачу с горя я —
Вывели голубушки птенят,
Вывелось казацкое сословие!

Вышла я с ведерком, хватъ - похзать,
Брякнули другие девки — по воду.
Выехал на конике мой сват:
— Где Егор? — взяла его за поводья.

— Совестно, мне, девонька, сказать:
Я посватал вас, и мне ль рассватывать?
Будешь долго нас, горюня, ждать
В розовые зори пред рассвэтами.

Как сказал он мне про то, что нет, —
Нету казачонка, — кудри шелковы,
Где вы, где? кто чешет вас чуть свет?
Кто вас ждет, милует кто потемками?

Голос мой на все село звенит.
Потеку за ним я речкой слезною.
Ах, разобрало же меня и зло на них...
Грудью грохнулась на сруб колодезный.

Пропадом пропали: со двора
Шапки долго кланялись за хатами.
Вот прийти бы весточке пора,
Да приходят лишь потемки сватами.

Горе, бей меня, эх, горе, бей!
Тенькай, сердце, серенький воробушек,
Каждый день идет казак из города —
Положите меня в белый гробушек.

Дмитрий Петровский.

КАЗАЧЬЯ ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ.

Не ходи за мною ночью, конь,
Не мути, луна, пустым белком, —
Не затмить тоскою никакой,
Что пропал соколик за полком.

Затоскует девица по нем,
Не вернется парень за конем,
Не вернется парень за очами
Темными дождливыми ночами.

А придет о нем пешечком везть:
Больше на коня ему не сесть,
Да пойдут смешки за ней шажками
Шелком расшивными сапожками.

Ох, не обовьет его коса,
Ни крутая девичья рука,
И с лица спадет твоя краса,
Голос канет птицей за леса.

С топота того встают года,
А с той ночи порастет трава,
Только с тех очей веселых никогда
Не займется хмелем голова.

Пролетят над избами года:
Скинут хатки шапки, косы девичьи
Поплывут, как полая вода, —
Горе их чесало неумеючи.

С Т И Х И

Горе знало про лихой простор,
Где порубанные пали два полка
В ночь, когда так пели хорошо,
Девка бросилась в гнилую копанку...

Дмитрий Петровский.

ЭПИЗОД.

Посвящается моему другу И.

— Вот ваши грамоты, ознакомьтесь внимательно. Отныне вы уполномоченный министерства снабжения. Подпись, печать—все как следует. Договора, проекты, кондиции — в этой папке. Денег, извините, не по чину, мало...

— Ладно,—весело кивнул Решетилов,—дальше?

— Дальше,—вот вам письмо к начальнику чешского эшелона. В нем вы—представитель земства и вас знает доктор Гирса. Может пригодиться. Это? Это служебная записка управляющего губернией к N-скому начальнику милиции. Дабы оказывал вам всяческое содействие. Да, посмотрите на штамп-то. Какая работа!—даже щелкнул по бумажке.—Но, помните, сила всех этих документов—максимум на две недели. То-есть до первой справки.

Улыбнулся Решетилов:

— Пожалуй, хватит.

И распахивая по карманам бумаги:

— Но... это все к чужим. А к своим-то что?

Пожатие плечами.

— Я же говорил, что, кроме Баландина, своих там нет. В самом уезде—другое дело. Там партизаны. Как раз,—чуть-чуть ехидно,—по вашей ориентации... Баландин, вероятно, вас сведет...

— Баландин обо всем предупрежден,—вмешался третий собеседник, земец и хозяин квартиры,—и давно вас ожидает. А вы? Уже уходите?

— Да, все как будто объяснил, бумаги передал... Ну,—подошел к Решетилову,—надеюсь, все сойдет благополучно...

Секунду молча жали руки. Потом обнялись и поцеловались. Остались двое.

— Накурили,—сказал хозяин, и, подойдя к окну, отдернул форточку.

Свежий морозный холодок потянул упругим, напорным потоком, разметал и закружил синеву табачных миражей.

В деловой задумчивости Решетилов.

Хозяин тоскливо бродит по комнате.

— Как вы хотите,—остановился он,—а я повторяю свой прежний вопрос. Во имя чего? Зачем вы сейчас беретесь за это восстание? Зачем мы уполномачиваем вас на это? К чему вся эта инициатива? Знаю, знаю: дело решенное. Говорю просто потому, что не понимаю, искренне. Ну, представьте на минутку. Сзади, за спиной,—семеновщина и японцы. Это—реальность. Впереди—приближающийся красный фронт, а за ним—увь!—голод и террор. Это—тоже реальность. А посредине...—наша инициатива! Что же утвердить-то мы собираемся своим выступлением? Но, оговариваясь, так толкует мой разум. чувство—с вами.

Решетилов добродушно посмотрел на товарища.

— Я,—начал он,—определенно хочу утвердить запад. Пусть с его голодом и террором, но зато с его безусловно правильным для меня прогнозом будущего. Это главное. А теперь, когда вся колчаковщина летит к чертям, надо максимально использовать момент для революции. Я берусь за восстание в N-ске; вы—за другое, тысячи людей припрягаются к рычагам машины—и она поворачивается. Все просто. Лично роль моя маленькая. Как и всякого. Но для меня она—целая жизнь.

-- А ведь вы большевик, Сергей Павлович... Самый настоящий! И, по недоразумению, беспартийный...

— Да уж... будь я партийный, вряд ли бы мы сошлись... Хотя свержение Колчака—платформа очень нейтральная и... весьма приятная...

— Авантюрист вы, голубь,—как-то любовно определил хозяин.—Пойдемте-ка чай пить. Там у жены сидит знакомая дама. Как раз приехала из N-ска. Представьте в новой роли...